

**Свобода доступа к информации как идея изменений:  
опыт антропологии современного общества**

О методе

Социальные исследования как самостоятельная сфера деятельности оформлялись в эпоху романтического восторга перед успехами естественных наук. Поэтому и в воззрениях классиков социологии на рабочие методы социального анализа круг допустимых стратегий и тактик ассоциируются с физикой, математикой и т. п. Более позднее сомнение в объективной данности социальных явлений инициирует внимание к «понимающим» методам в научных поисках. Так, по истории развития социологии в XX веке можно проследить волны лингвистического поворота в изучении человека и общества, а сегодня все чаще в среде социологов говорят о *прагматическом повороте* в методологии этой науки.

Провозглашение прагматического видения или исследование социальных практик означает анализ привычных знаний и умений, постоянно воспроизводимых и потому незамечаемых. Практики составляют ткань повседневности – бытовой, профессиональной, политической. Именно в русле прагматической парадигмы приветствуется удивление ординарным, и эта исследовательская установка сродни действиям антрополога в пределах малознакомой ему культуры – то же самое внимание к мелочам (как кажется), повседневным разговорам, ритуалам и вещам.

Интерес социологов к эвристическому потенциалу антропологии и этнографии воплощается в развитии такого направления, как антропология современного общества. Можно сказать, что благодаря прагматическому движению антропологический ракурс анализа современных организаций перестал быть методологической новацией в социологии. Признается, что не только архаические культуры, но и мир нашего современника может быть представлен как цепь ритуалов, мифов, а вещественный антураж повседневности концентрирует принципы разных вариантов государственности и культуры.

Цель данной работы – экспликация идей о свободном доступе к информации в виде мифологического концепта, который является одним из базовых оснований либерально-демократического описания политической реальности. При этом автор отнюдь не стремится «развенчать и обличить»: усилия направлены на то, чтобы, используя эвристику антропологии, показать структуру этой популярной доктрины – героев и антигероев, чудеса, опасности и т. п.

## Определение базовых категорий

Артикуляция тезиса о том, что одна из самых популярных доктрин современности – о свободе доступа к информации – облекается в мифологические формы, провоцирует некую двойственность понимания, связанную, прежде всего, с множественностью смыслов категории «миф» в научном дискурсе. Для данной работы категория «миф» важна в качестве аналитического, а не полемического термина. В этом случае миф есть способ рассуждения о явлениях окружающего мира, который воплощает в себе такие содержательные и формальные характеристики, как: чувственная конкретность, эмоциональность, перенесение на природные и социальные объекты человеческих свойств, синтетическое восприятие объекта и его атрибутов, повествовательность. Сотворение мифа – практика отнюдь не только первобытного сознания, XX век демонстрирует ремифологизацию или «трактовку мифа как живого идеологического явления современности <...> Политическое мифотворчество – один из аспектов мифологического возрождения» [1, с. 28].

Однако ремифологизация связана в большей степени с полемической трактовкой мифа (и это видно уже из приведенной цитаты), от которой автор пытается дистанцироваться. В своей полемической коннотации понятие «миф» звучит, когда ведется разговор о средствах манипулирования общественным сознанием. Яркий пример такого подхода – идеи Р. Барта<sup>1</sup>, создавшего критическую картину производства фикций механизмом массовой культуры.

В предлагаемой вниманию читателя статье используется аналитическая призма рассуждения о мифе, выносящая на поверхность, прежде всего, особенности логики мифа. То есть предпринимается попытка увидеть активность мифологических форм в современных социальных взаимодействиях.

Человека Новейшей истории культура обучала рациональному мышлению, но именно этот человек пошел на зов мифов. Можно предположить, что поиск целостного мировоззрения, дающего точку опоры, который воплотился в доверии идеям национальной избранности, коммунистического равенства, технократического будущего, стал реакцией на релятивизацию ценностных оснований культуры. Распад жестких установлений коллективных представлений или, как писал Э. Дюркгейм, состояние, при котором «слишком много членов слишком полно ускользают из-под власти расстроенного и ослабевшего общества» [2, с. 452], такая социальная ситуация вызывала (и вызывает) ощущение хаоса. Хаос дезориентирует, и вот уже современный человек выстраивает

---

<sup>1</sup> См., например, *Барт Р. Миф сегодня / Избранные работы.* – М.: Группа Прогресс: Универс, 1994.

космос, руководствуясь устойчивыми схемами бинарных оппозиций, моделями поведения героев, сравнивая настоящее с точкой рождения, т. е. использует тысячелетнюю логику мифа.

Определяясь в используемых понятиях, добавим также, что при разработке темы мифов в социально-политической теории ряд авторов проводит границу между традиционными мифами, свойственными первобытной культуре, и социальными мифами: «Социальный миф отличается от традиционных мифов тем, что обращен к конкретным сторонам общественной жизни. Это уже не повествование о богах или сверхъестественных существах. Социальные мифы освящают вечные вопросы власти и подчинения, зависимости и свободы, несправедливости и равенства» [3, с. 63–64]. Иногда применительно к символическим конструкциям сегодняшнего дня говорят о неомифологиях<sup>2</sup>. Важно фокусировать внимание не на различиях между мифами о богах и героях и актуальных идеологиях, а на космогонических функциях мифологии, которая «склеивает» реальность, что особенно востребовано, как кажется, в обществах в периоды социальных реформ.

Либеральная идеология абсолютизирует принцип личности, личное мнение, личный свободный выбор наделенного разумом субъекта. Но и эти идеи особенно в пространстве не научной, а политической и повседневной риторики приобретают черты мифа. Миф как целостное описание реальности не видит пределов своего познавательного действия и убеждает образно-поэтическими средствами.

О «культе личности» в современной цивилизации иронически писал отечественный теоретик культуры М.К. Петров: «Все европейцы верят в Личность – богиню, явно сохраняющую архаические черты принадлежности к неразвитому первобытному сознанию, где каждый имеет своего собственного божка, умиливает его остатками пищи или наказывает в зависимости от собственных удач или неудач. <...> К первобытному непрофессиональному сознанию Личность близка и в том отношении, что она явно связана с тотемизмом. Как дикари говорят: я – попугай; я – выдра; я – крокодил, так и европеец твердит: я – личность. Это его тотем» [4, с. 120].

Таким образом, вера в личность оформилась в качестве мировоззрения Нового времени, а идеи о приоритете личных прав и свобод стали важными конструктами нового космоса. То есть концепцию свободы информации можно считать одним из строительных блоков «мироздания» современности.

---

<sup>2</sup> См., например, *Малякин И.* Российская региональная мифология: три возраста // *Pro et Contra*. – 2000. – Том 5. – № 1. – С. 109 – 122.

В целом свобода доступа к информации понимается в трех основных смыслах, а если говорить в терминах антропологии, то этот миф классифицирует реальность на трех уровнях. Свобода предстает, во-первых, как отсутствие цензуры и свобода публикаций, во-вторых, как свобода критики, в-третьих, как многообразие способов получения информации и знания. Предполагая, что мифологизм рассматриваемой социальной доктрины проявляет себя вербально (согласно К. Леви-Стросу, «миф есть составная часть языковой деятельности; он передается словами, он целиком входит в сферу высказывания» [5, с. 185]), начнем с анализа текстов философов и общественных деятелей, которых можно отнести к родоначальникам либерального обоснования роли информации.

Современный демократический дискурс о свободе слова оформлялся в работах классиков либеральной мысли, прежде всего, Дж. Мильтона, Дж. Локка, И. Бентама, Дж. Ст. Милля. Обращение к их высказываниям позволяет зафиксировать мифоподобные символы и образы, которые были востребованы и в XIX, и в XX столетиях в объяснении роли средств массовой информации. Представляется, что благодаря этой эпохе создается риторический фундамент для рассуждения и убеждения в пользу единства прогресса – демократии – свободы слова.

В повествовательной структуре произведений авторов-теоретиков свободной прессы просматриваются элементы мифологического – поляризация мира между *добром* и *злом*, между действиями *героев* и *опасностями*:

«...Свободное и благородное сословие тех, кто действительно родился для науки и любит ее ради нее самой, не ради прибыли <...> а во имя служения Богу и истине» [6, с. 43].

«...Следует указать еще на невероятные потери и вред, какие цензурные оковы причиняют нам в большей степени, чем если бы враг обложил с моря все наши гавани, порты и бухты: эти оковы останавливают и замедляют ввоз самого драгоценного товара – истины» [Там же, с. 52].

«...Человеческий ум, когда ему препятствует страх ли закона или боязнь общественного мнения свободно упражнять свои способности в наиболее важных вопросах, впадает в апатию и бессилие...» [7, с. 830].

При этом аргументация ведется с опорой на иносказательное изображение отвлеченных понятий. Так, например, свобода высказывать свое мнение предстает в образе «света», «зари нового дня»; истина получает имя «текущего источника»; цензура – «мрака», «тинистого болота однообразия и традиции». Происходит клеймение

правильного и неправильного социального порядка, выстраивается оппозиция «царство разума – система умственного рабства».

Причем в концепции информационной свободы как в мифе просматривается и вариант медиации: разрешение противостояния осуществляется посредством медиаторов-героев, несущих источники знания и информации. Вспомним хорошо нам знакомую героиню критического слова: «поэт в России больше, чем поэт».

Мифологемы информационной вольности, зафиксировавшие модель нового мира, в котором, говоря словами И. Бентама, «людям предоставлена наибольшая возможная свобода действия во всех случаях, где они не могут повредить никому, кроме самих себя...» [8, с. 47], эти мифологемы актуализируются, когда современное общество осваивает культурные новации<sup>3</sup>. В такие периоды включается объяснительная сила мифа, который упорядочивает и гармонизирует динамичную реальность, позволяет эмоционально пережить и рационально обосновать многое в изменившейся социальной ситуации.

#### Работа мифа

Вехи не только европейской, но и российской истории Нового времени демонстрируют, как миф о свободной информации моделировал идеальный образ мира. Например, в периоды разнообразных российских реформ XIX и XX веков лозунг «За свободу слова!» канализировал социальную активность, «объяснял» что еще надо сделать, чтобы достичь искомого социального порядка. Одно из самых глобальных воплощений энергии этого мифа происходило в России в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., когда спланирующая работа мифа, координация массового восприятия и поведения была реализована в движении «За гласность и перестройку». Именно движение за гласность наглядно иллюстрирует, как «с помощью метафоры можно изменить мир»<sup>4</sup>.

Вообще, события отечественной истории, получившие название «перестройки», могут быть истолкованы в таком информационно-коммуникативном ключе, когда рассматриваются, прежде всего, не экономические факторы, двигавшие машину реформ, а характеристики информационных процессов. Эти сдвиги в информационной сфере чаще относят к эпифеноменам, однако можно принять другую точку отсчета и проследить зависимость реальности от риторических клише, составляющих рассказ об этой реальности.

---

<sup>3</sup> В данном случае к культурным новациям мы относим любые изменения, которые происходят в различных общественных сферах – политике, экономике, технологии и т. д.

<sup>4</sup> Эти слова принадлежат А. Рембо, их цитирует К. Леви-Строс в работе: Структурная антропология.— М.: Наука, 1983. – С. 180.

Мироустроительная работа мифологемы *«расширение гласности – исходный пункт перестройки нашей жизни»* начинается с документов КПСС, принятых на XXVII съезде (1986 г.) и XIX Всесоюзной конференции (1988 г.)<sup>5</sup>. Провозглашение политики гласности с партийной трибуны инициировало мультипликацию идеологических формул, оперировавших основными для данного мифа семантическими оппозициями. *Свободное слово* ассоциировалось с *движением, новой жизнью, острым оружием*, его отсутствие – с *застоем*:

«Снова в чести поиск истины, правды <...> без правды жизни, без научных истин и художественных открытий нет и не может быть полноценной, многообразной духовной жизни...» [9, с. 82];

«Перестройка вывела на передний край жизни гласность, которая реализуется в самых разных формах – в работе государственных и общественных организаций, на собраниях, митингах, научных и творческих конференциях, сходах граждан, мощной трибуной общественного мнения выступают сегодня СМИ <...> Сегодня уже не надо убеждать, что без гласности нет обновления...» [Там же, с. 84].

Классификационная сетка анализируемого мифа при наложении на реальность советского общества конца 1980-х гг. высвечивала такой его фрагмент, как замалчивание недостатков, отсутствие достоверной информации. Все это определялось в качестве барьеров социально-экономических реформ. Поэтому понятие «критика» стало кодом, который легко расшифровывался самыми разными социальными субъектами. Можно говорить о парадоксе, который характерен только для первых лет перестройки: гармонизация отношений внутри социума достигалась через болезненную демонстрацию собственного несовершенства. Исходя из этой идеи, становится понятным такое явление, как «мода на критику», т. е. о результатах работы или успехах говорить стало просто неприлично:

«Для нас урок правды, данный съездом, – это еще и урок профессиональной честности и гражданского мужества <...> Начиная перестройку своей работы, нам следует избавиться от известной робости перед сложной и противоречивой действительностью, научиться мужественно, а это значит точно и без прикрас, анализировать и отображать ее

---

<sup>5</sup> Середина 80-х – начало 90-х гг. – перестройка или «романтический» период преобразований в СССР/России конца XX в., основные даты: 1985 – Пленум ЦК КПСС, выдвинут лозунг «Ускорение экономики»; 1986 – XXVII съезд КПСС, провозглашена политика социально-экономических преобразований; 1988 – XIX Всесоюзная конференция КПСС, принята концепция политической реформы; 1989 – Первый съезд народных депутатов СССР, противостояние сторонников радикальных изменений и консерваторов; июнь 1991 – первые выборы Президента России; август 1991 – путч; декабрь 1991 – прекращение договора о Союзе Советских Социалистических Республик.

<...> К массовому распространению таких негативных явлений, как показуха, парадность, формализм, в немалой степени приложили руку и мы, журналисты» [10, с. 50].

Так конструировалась новая социальная ситуация – перестроечная, революционная, которую можно было бы назвать космосом, поскольку имелись свои яркие ориентиры, однако осью этого мира была разоблачающе-критическая деятельность. Отечественный исследователь М.М. Назаров, характеризуя обстоятельства того времени, пишет: «Широко развернутая кампания критики доперестроечного состояния общества явно и неявно строилась вокруг идей, общим знаменателем которых была посылка – “Так жить нельзя!”» [11, с. 21]. В целом можно сказать, что порядком провозглашалось преобразование, и критический мотив мифа реализовался в полной мере.

Поэтизация обличающего взгляда хорошо видима по визуальным текстам кино периода перестройки. Кинофильмы конца 1980-х – начала 1990-х – это многочисленные ответы на том самом «уроке правды», который провоцировала энергия доктрины гласности. Так, например, автор визуальных исследований А.Р. Усманова считает, что российский кинематограф того времени интересен не как эстетическое, а как антропологическое явление: он фиксировал социальное настроение, артикулировал то, что самому обществу было еще не совсем понятно<sup>6</sup>. Наблюдалась апология критики: «Избавиться от известной робости перед сложной и противоречивой действительностью...» [9, с. 82], именно такое настроение зафиксировано в фильмах-событиях эпохи перестройки – «Маленькая Вера», «Асса», «Игла».

Кроме того, по риторике материалов о гласности можно проследить характерную для мифического трактовку времени: обсуждение трудностей настоящего момента сопоставлялось с утраченным равновесием «золотого века». «Золотым веком» для жизни критического слова выступали первые годы после Октябрьской революции 1917 года.

Попытка превозмочь хаос через обращение к эпохе героев, к «первословам» прочитывается в многочисленных призывах конца 80-х (например, «снять наслоения истории»), в кампании «возвращения имен». Как тот же поиск «первых слов золотого века» можно расценивать издание цитатника «В. И. Ленин о гласности»<sup>7</sup>.

Мифологический символизм в политической риторике перестройки находил выражение в конструировании образов обновления. Сюжет обновления или возрождения, знакомый по календарным мифам, созданным древними цивилизациями, прочитывается,

---

<sup>6</sup> Идеи А.Р. Усмановой приводятся по лекциям, которые были прочитаны в рамках курса «Социология повседневности» в ЦСО ИС РАН, Москва, июнь 2005 г.

<sup>7</sup> Ленин В. И. О гласности. – М.: Политиздат, 1989. – 351 с.

например, в концепции *обновленного социализма*<sup>8</sup>. Публичное информационное пространство 1980-х было пронизано высказываниями о ситуации очищения, возврата к истокам недовоматического марксизма, к большевистской ленинской линии развития. Поэтизация обновления распространялась и на информационные процессы: свобода слова была на полюсе новой жизни, цензура – в точке тьмы, которую необходимо пройти и возродиться.

«Перестройка предполагает не просто управленческую реорганизацию, а качественное преобразование общества, политическую и идеологическую борьбу за определение социальных приоритетов и методов обновления советского общества. Гласность – это не просто повышение уровня его информированности. Это – и революционный прорыв в мировосприятии широких слоев населения, и социальное действие» [12, с. 5].

Завершая информационный эскиз перестройки, выскажем также предположение о том, что ценностные константы либеральной доктрины свободы слова претерпели своеобразную аккультурацию в пределах отечественного социального ландшафта. Так, например, освоение ценности критики происходило, в чем-то повторяя каноны покаяния: искупление вины через самоунижение.

#### «Три кита» будущего информационного порядка

Ситуация начала XXI века часто обозначается субъектами социального целеполагания как развитие информационного общества, обсуждается также модель «общества знаний»:

«Необходимо изначально обозначить позицию ЮНЕСКО, которая заключается в том, что <...> организация отдает предпочтение концепции обществ знаний, а не концепции глобального информационного общества, рассматривая последнее лишь как эффективное, но все-таки средство для построения справедливых обществ знаний и инструментов для его дальнейшего развития» [13, с. 5].

В этих условиях политический дискурс, тематически касающийся образования, науки, культуры, СМИ, продолжает культурную традицию понимания развития через апелляцию к свободе информационных возможностей. Категориальная рамка «информационные барьеры как регресс – всеобщий доступ к информации как прогресс» скрепляет картину реальности и моделирует образ будущего. Только сегодня идеи о

---

<sup>8</sup> В начальный период перестройки (сер. 80-х) активно обосновывался не отказ от социалистических общественных отношений, а реформы хозяйственных и политических сфер жизни СССР, т. е. *обновление социализма*.

беспрепятственном доступе к информации интерпретируются в контексте распространения новых информационных технологий<sup>9</sup>.

Картины новой реальности, основанной на повсеместной доступности электронных ресурсов, по-прежнему – как и во времена Дж. Мильтона, когда фаворитом было печатное слово – вовлекаются в политическую риторику. Информационный порядок, который моделируется идеологией новых информационных технологий, основывается на преодолении зла отчуждения уже не между гражданами, но между странами и народами. Если эпоха книжной культуры использовала ось структурирования «грамотный – неграмотный», то актуальной классификацией сегодня стала оппозиция «включенный в глобальную информационную систему – исключенный из глобальной информационной системы». И что немаловажно, возможности информационных технологий в решении человеческих проблем гиперболизируются:

«Беспрепятственный доступ к информации важен для достижения свободы, равенства, всеобщего понимания и мира.

Всемирная сеть Интернет предоставляет равный доступ к информации для личного совершенствования, образования, культурного развития, экономической деятельности и информированного участия в процессе демократизации для индивидуальных лиц и сообществ во всем мире, проживающих в самых маленьких и удаленных селах и в крупнейших городах» [14].

Продолжая наблюдать формы убеждения или те вербальные средства, при содействии которых моделируется желаемое, максимально справедливое положение человека будущего, можно обнаружить акцент на так называемых *экстенсивных приоритетах*. «Информация для всех», «всеобщий и универсальный доступ к информации», «свободный поток идей» – семантика этих высказываний акцентирует важность количества и разнообразия информации. Постоянное повторение такой экстенсивной фразеологии почти не оставляет места для «картины мира», основанной на иных принципах.

Классифицируя реальность подобным образом, люди перестают замечать изменения, которые происходят с феноменом «информационная бедность». Ограниченность информационных возможностей сегодня все чаще связана не с отсутствием доступа к информации, а с невладением навыками ориентации в информационных пространствах, которые представлены не только электронными, но и печатными, рукописными, устными видами сообщений.

---

<sup>9</sup> Информационные технологии являются результатом слияния двух достижений в развитии техники: *вычислительных машин и способов передачи цифровой информации по телекоммуникационным сетям*. В основе ИТ лежит возможность передавать текст, звук и визуальные изображения в цифровой форме.

И в заключение приведем еще одно пояснение к основной идее данной работы. Антропологическое объяснение – через нахождение мифологических мотивов – одной из самых популярных доктрин современного общества наталкивается на вопрос, лежащий несколько в другой плоскости, но, безусловно, вполне резонный в рамках данной темы: если идеи о свободе информации функционируют как миф, то обоснование контроля над информацией – это более результативное мировоззрение? Такой вопрос неоднократно задавали автору в ходе публичных обсуждений тезисов статьи.

В формулировке этого вопроса просматривается акцент на том, что миф – это иллюзия, которая поддерживается для затушевывания реального положения дел. Для нас же чрезвычайно интересно было обнаружить мифологизм как «живую» логику в современном социально-политическом мировоззрении, не уезжая в Южную Америку, открыть и описать свои «тропики».

#### Список литературы

1. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – М.: «Восточная литература», 2000.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство. – СПб.: Союз, 1998.
3. Гуревич П. С. Социальная мифология. – М.: Мысль, 1983.
4. Петров М. К. Мы – через призму традиции // Народы Азии и Африки. – 1990. – № 2.
5. Леви-Строс К. Структурная антропология. – М.: Наука, 1983.
6. Мильтон Дж. О свободе печати (Ареопагитика) // История печати: Антология. М.: Аспект Пресс, 2001. .
7. Милль Дж. Ст. Основания политической экономии. – Киев–Харьков: Южнорусское книгоиздательство Ф. А. Иогансона, 1897.
8. Бентам И. Принципы законодательства. – М.: Издание К. Т. Солдатенкова, 1896.
9. Горбачев М. С. О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки: доклад // Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС, 28 июня – 1 июля 1988 г. – М.: Политиздат, 1988.
10. Воробьев В. Долг и право журналиста // Коммунист. – 1986. – № 8.
11. Назаров М. М. Медиа и власть в современной России (Особенности российских СМИ 90-х годов) // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – №1.
12. Волобуев О. В., Кулешов С. В. Очищение = История и перестройка. – М.: АПН, 1989.
13. Демидов А. А. Через библиотеки – к знаниям: доклад заместителя председателя Российского комитета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» // Школьная библиотека. – 2004. – № 8.
14. Манифест Международной Федерации Библиотечных Ассоциаций (IFLA) об Интернет. – <http://www.ifla.org>